

Алла Ботвич
Баба-Щука
6

Анастасия Безлюдная
День рождения
Кошечя

14

Тимофей Бутенко
Когда летают
Медведи

18

Герман Гиреев
Чудо-рыба
32

Любовь {Leo} Паршина
Дежурство
у Бабы-яги

40

Юлия Горбатенко
Жабыня
48

Екатерина Копчинская
Тазик уныния
для Кошечя

56

Ольга Сафронова

Как Иван-царевич
своё царство проспал

66

Александра Хоменко

Лекарство
для избушки

76

Регина Сервус

Сказ о том, как царица Несмеяна
в царевну Веселину превратилась

86

Анастасия Софийская

Кикиморье
счастье

96

Вера Гамаюн

Про царевну Зозулю,
Никиту Кожемяку
и козла Мишку

108

Ирина Мошева

Чудо-юдо заморское

118

Алла Ботвич

БАБА- ЩУКА

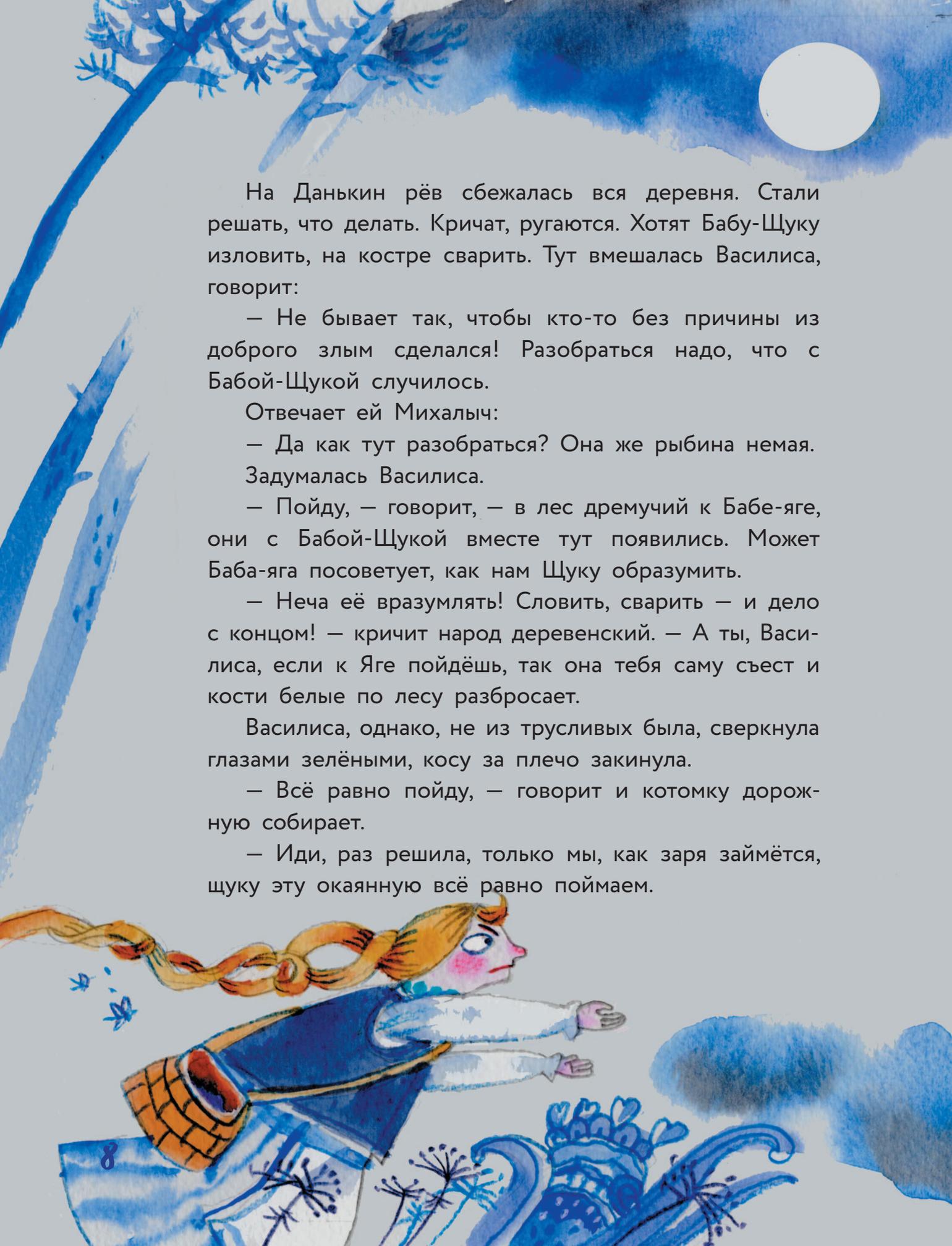
© Алла Ботвич, текст, 2021
© Юлия Сомина, ил., 2021

В Тридевятиом царстве, далёком государстве, в дремучем лесу, у холма на носу стояла деревенька маленькая. Деревню окружала река широкая. В реке жила диковинная рыба — Баба-Щука. Была она страшна на вид, чешуя темна-зелена, зубы острые, пасть огромная, хвост — как лопата железная. В деревне Бабу-Щуку не боялись, знали — она речку охраняет, в чистоте содержит, леших и разбойников за пятки кусает. Малышня на отмели купается, а Баба-Щука рядом плавает, следит, чтобы никто на глубину не попал.

Но однажды неладное приключилось. Стала Баба-Щука на людей нападать, сперва по малости — стирала тётка Серафима сарафан в речке, а Щука зубами цап! Порвала ей юбку! Дед Михалыч рыбачил спозаранку, так Щука ему снасти пообрывала, рыбу распугала. Василиса с подружками на мосту сидела, венки плела, Щука как выпрыгнет, как плюхнется обратно — всех водой речной окатило. А потом совсем страшное случилось, купался маленький Данька возле камышей, так Баба-Щука кусь его за ногу и давай вдоль берега тянуть. Хорошо, Данькина мама рядом была, успела сына схватить. Бабу-Щуку кулаком по голове огрела, та Даньку выпустила, а на ноге-то укус остался.

The illustration is a watercolor-style drawing. At the top right, a large, bright white circle represents the moon against a dark blue, textured sky. On the left side, a dark blue tree trunk and its branches are visible. In the lower half of the page, a young girl with long, braided blonde hair is running towards the right. She is wearing a blue dress over a white long-sleeved shirt and has a small basket on her back. Her expression is one of urgency. The ground is depicted with various blue and white washes, suggesting a path or a field. The overall color palette is dominated by shades of blue, white, and yellow.

На Данькин рёв сбежалась вся деревня. Стали решать, что делать. Кричат, ругаются. Хотят Бабу-Щуку изловить, на костре сварить. Тут вмешалась Василиса, говорит:

— Не бывает так, чтобы кто-то без причины из доброго злым сделался! Разобраться надо, что с Бабой-Щукой случилось.

Отвечает ей Михалыч:

— Да как тут разобраться? Она же рыбина немая. Задумалась Василиса.

— Пойду, — говорит, — в лес дремучий к Бабе-яге, они с Бабой-Щукой вместе тут появились. Может Баба-яга посоветует, как нам Щуку образумить.

— Неча её вразумлять! Словить, сварить — и дело с концом! — кричит народ деревенский. — А ты, Василиса, если к Яге пойдёшь, так она тебя саму съест и кости белые по лесу разбросает.

Василиса, однако, не из трусливых была, сверкнула глазами зелёными, косу за плечо закинула.

— Всё равно пойду, — говорит и котомку дорожную собирает.

— Иди, раз решила, только мы, как заря займётся, щуку эту окаянную всё равно поймает.

Отправилась Василиса в путь. Лес стеной стоит, лес недобро глядит. Кричат птицы неведомые, голосами человеческими в чащу заманивают. Василиса идёт по тропинке, не пугается. Между стволов туман сизый поднимается, лапы липкие протягивает, норовит от тропы увести. Василиса идёт твёрдо, не сворачивает.

Вот впереди просвет показался. Стоит посреди поляны избушка маленькая, по крышу папоротниками заросшая. В окне огонёк еле-еле горит. Василиса постучала в дверь тихонько, никто не отзывается. Толкнула дверь, зашла осторожно, а внутри-то, батюшки, всё вверх дном! На стене мухоморы вылезли, потолок паутиной зарос, на полу горшки, тарелки разбитые, в углу горой всякая одежда свалена, а из-под той горы храп раздаётся. Подошла Василиса поближе, видит, Баба-яга совсем больная, сипит-храпит, жаром пышет, зубом жёлтым клацает. Баба-яга один глаз открыла, еле выговорила:

— Кхе-кхе, кто это ко мне забрёл, молодой да смелый? Сейчас сварю тебя на ужин, деточка!

Василиса головой покачала:

— Вари-вари, бабушка, только позволь сперва приберись тут у тебя.

Рукава засучила, метлой взмахнула, пауков прогна-
ла, полы подмела. Окна вымыла, печку затопила,
тарелки разбитые выкинула, на стол скатерть чистую
постелила. Заварила чай с листом смородины, мёд
достала из котомки своей, тягучий, луговой, полный
силы солнечной. Бабу-ягу умыла, расчесала, за стол
усадила. Та чаю выпила, мёдом закусила, кашлять
перестала. Глаза стали ясные, как колодец глубокие,
с искрой на дне.

— Добрая ты, — говорит, — девочка. Пожалуй, не
стану есть тебя, а награжу! Рассказывай, что за напасть
у тебя приключилась.

Василиса про Щуку рассказывает, а Баба-яга охает:

— Мы с той Щукой подруги давние. Поставлены
тут беречь-охранять, я лес, она реку. Раз ведёт себя
так, значит, беда в воде появилась. Отравит беда реч-
ку, вместе с речкой и лес погибнет, и деревня про-
падёт. Щука вас предупредить хотела, да от той беды
у неё самой разум мутнеет. Я бы с Бабой-Щукой
поговорила, узнала, откуда беда течёт, только не
добраться мне сейчас до реки. Вот, держи сапожки-

водоножки, в них по воде ходить можно. Ступай к реке, выйди на середину, топни три раза, приплывёт Баба-Щука, покажет тебе дорогу. Вот цветок папоротника, как увидишь, откуда беда начинается, кинь его в то место, всё и закроется. И подарок мой тебе — лента алая, муаровая, если в косу её вплетешь, сразу сил прибавится.

Василиса Бабу-ягу поблагодарила и обещала в гости заходить, помогать по хозяйству, чай душистый заваривать.

Пошла Василиса обратно, а лес перед ней расступается, светлячки дорогу освещают, соловьи поют-заливаются. Скорёхонько к реке вернулась. Надела Василиса сапожки-водоножки, вышла на середину речки, топнула ногой три раза. Как закружится, забурлит вода — Баба-Щука пасть зубастую показала. Василиса стоит, не дрогнет. Тут заговорила Баба-Щука человеческим голосом:

— Беги вверх по течению, девочка. Там, где скалы к берегу подступают, ударила молния, открылась в скалах трещина, из неё сочится черна-вода, горька она

и горюча, скоро всё живое в речке отравится. Туманит мне разум эта отрава, беги скорее, пока не укусила тебя за ногу.

Как побежала Василиса! С волны на волну перепрыгивает, только брызги-звёзды сверкают. Бежит час, бежит другой, из сил выбиваться стала. Достала тут ленту муаровую, вплела в косу, сила внутри будто крылья расправила. Бежит Василиса, словно птица летит, едва-едва воды касается. Добежала до скал, видит — трещина глубокая, из неё в реку капает чёрное зло-беда. Потемнела вода речная, берега вокруг мёртвые, ни травинки не осталось на земле, ни рыбёшки в воде, ни птички в небе. Василиса достала цветок папоротника и в самую глубину трещины забросила. Закряхтели скалы, задвигались, задрожала земля, камни посыпались и всю трещину собой засыпали. Тут же вода светлеть начала. Василиса стоит довольная.

Вдруг! Ах! Спohватилась. Заря занимается, скоро люди деревенские Бабу-Щуку ловить пойдут.

Побежала Василиса со всех сил обратно. Ветер её подгоняет, волосы раздувает. Ленту выдул из косы и норовит унести! Еле-еле успела Василиса ленту за самый конец ухватить, только бежать стала медленнее.

Впереди деревню уже видно. Что там, на берегу? Тащат сеть из воды Бабу-Щуку, несут котёл огромный, несут топор острый.

А Баба-Щука только плавниками шевелит еле-еле, не сопротивляется. Василиса из последних сил вперёд кинулась, споткнулась возле берега, упала вперёд, руки вытянула и лентой своей алой, муаровой Бабе-Щуке хвост обвила. Выгнулась Баба-Щука крутой дугой, разорвала сеть и в реку нырнула.

Василиса села на берегу, сапожки сняла, дух перевела и всё рассказала. Только люди не верят ей, сомневаются: мала, мол, ты, девица, для таких подвигов. Спорить начали. Пока спорили, Данька к реке протопал. Зашёл по пояс, а Баба-Щука тут как тут, к берегу его носом толкает. А Данька по голове её гладит, приговаривает:

— Хоошая ыба, хоошая!

Зло последнее из голов людских тут же ушло. Стали деревня и Баба-Щука, как раньше, жить в мире и согласии. Баба-яга Василисе сапожки-водножки разрешила насовсем оставить. Теперь Василиса часто по речке бегает, а рядом с ней Баба-Щука Даньку на спине катает.

А на дальних скалах расцвёл папоротник, чтобы зло-беда больше в речку попасть не могло!

